

Нагуслаева Елизавета Альбертовна

БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ, ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Настоящая работа посвящена изучению практики применения буддийской дипломатии на примере крупнейшего азиатского государства Китайской Народной Республики во взаимоотношениях с его восточными соседями, экономическими гигантами региона Японией и Республикой Корея. В статье также раскрыты факторы, повлиявшие на процесс развития буддийской дипломатии Китая, формирование ее особенностей в коммунистический период истории Поднебесной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 165-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 294.3

Политология

Настоящая работа посвящена изучению практики применения буддийской дипломатии на примере крупнейшего азиатского государства Китайской Народной Республики во взаимоотношениях с его восточными соседями, экономическими гигантами региона Японией и Республикой Корея. В статье также раскрыты факторы, повлиявшие на процесс развития буддийской дипломатии Китая, формирование ее особенностей в коммунистический период истории Поднебесной.

Ключевые слова и фразы: буддийская дипломатия; Буддийская Ассоциация Китая (БАК); буддизм; сангха; Китай; Япония; Корея.

Нагуслева Елизавета Альбертовна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
nageliz@icloud.com*

БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ, ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

«Буддийская дипломатия» – относительно новое понятие в международном научном дискурсе. В число буддологических терминов российского востоковедения оно было введено отечественным синологом В. С. Кузнецовым. Опубликованный в 2006 году монографический труд «Буддийский фактор во внешней политике КНР» был посвящен исследованию и анализу практики применения буддизма властью Китая как фактора международных отношений во второй половине XX в. Под «буддийской дипломатией» автор подразумевает использование буддийского феномена для осуществления внешнеполитических установок государственного руководства [3].

С момента публикации упомянутой монографии феномен «буддийской дипломатии» не становился предметом монографических трудов ни российских, ни зарубежных исследователей до публикации работы американского исследователя китайского происхождения Чжан Цзюяна “Buddhist Diplomacy: History and Status Quo” в 2012 году [29, p. 28]. Работа ученого посвящена исследованию истории буддийской дипломатии, причин ее возникновения и опыта применения Индией, Китаем и прочими государствами. Среди трудов, посвященных изучению «буддийской дипломатии» и ее применению, на русском языке следует выделить статью Б. У. Китинова «Буддийская культура: от возможностей “мягкой силы” до потенциала Лумбини» [2]. Существенным недостатком указанных исследований является отсутствие раскрытой формулировки понятия «буддийская дипломатия», его теоретического базиса.

На сегодняшний день «буддийская дипломатия» как теоретическое понятие остается без четкой аргументированной формулировки, что одинаково верно для научных трудов на русском, английском и китайском языках. Именно этим обстоятельством обусловлена необходимость анализа буддийской дипломатии Китая исключительно с точки зрения практического ее применения, а не теоретической трактовки.

Актуальность исследования практики применения буддийской дипломатии и причин ее использования обусловлена рядом факторов. Сегодня религия играет роль социально-политического феномена, существенно определяющего сознание и поведение людей разных стран и обществ в условиях процесса глобализации [4, с. 160]. Исследуя роль религии в мировом социуме, многие эксперты говорят о возвращении ее в политику, культуру и экономику, в публичное пространство, о возрастании значения религиозного фактора для оправдания или отрицания того или иного политического выбора [11; 13; 18]. Религиозное начало, один из корневых элементов общественной системы, оказалось не менее, а более устойчивым, чем идеологии панарабизма, социализма, национализма. Одновременно с развитием процесса глобализации в экономической, политической, культурной и других сферах наблюдается процесс локализации в стремлении различных народностей и этнических групп к сохранению своей культурной идентичности, которая зачастую содержит религиозную составляющую, нередко даже основывается на ней. Религиозный фактор приобретает все большее значение, особенно в контексте актуальных глобальных проблем этноконфессиональных конфликтов, межконфессиональных и внутриконфессиональных войн, терроризма, сепаратизма и экстремизма. Вопреки прогнозам многих исследователей, религиозный фактор в XXI в. не только не утратил своего значения, а, напротив, становится все более значимым в международных отношениях.

Поскольку буддизм обладает грандиозным ареалом распространения, охватывающим большинство государств Восточной, Северо-Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, чрезвычайно важным представляется изучение применения буддийской религии как фактора международных отношений. На данный момент наиболее интенсивное применение буддийского внешнеполитического фактора присуще двум крупнейшим азиатским державам: Китаю и Индии. Применяемая двумя государствами буддийская дипломатия осуществляется в различных формах, множество которых возможно разделить на ряд категорий:

- буддийская дипломатия как элемент публичной дипломатии (контакты представителей сангхи с международным буддийским сообществом посредством организации и участия в религиозных мероприятиях [29, p. 33], поддержание двусторонних контактов с религиозными деятелями других государств);

- применение буддийского фактора в рамках традиционной дипломатии (практика посещения политическими деятелями буддийских святынь, использование фактора религиозной общности в качестве основы для диалога в ходе официальных зарубежных визитов [30]);
- буддийская дипломатия в роли элемента экономического измерения «мягкой силы» (финансовая поддержка правительством государства международных проектов, связанных с восстановлением буддийского материального наследия [19]).

В контексте изучения проблемы применения Китаем буддийской дипломатии необходимо подчеркнуть, что буддизм в Китае нередко играл роль заметного социально-политического фактора. В разные периоды истории власть в Поднебесной стремилась использовать буддизм в качестве консолидирующего общества начала, прилагая усилия для обеспечения себе поддержки со стороны сангхи посредством создания системы взаимоотношений сангхи с властными институтами [17, с. 47]. Свидетельства о применении буддизма имперской властью в качестве внешнеполитического фактора в своих геополитических целях относятся еще к VII в. Эпохой расцвета буддизма в Китае по праву считается период правления династии Тан (618-907), ознаменовавшийся развитием культуры, искусства и религиозным подъемом. Кроме того, по утверждению отечественного синоведа Л. Е. Янгутова, именно в этот период совершилось подчинение сангхи государству [Там же, с. 107]. Как и предшествующие династии в Китае, Тан стала применять буддизм в своей внутренней и внешней политике. Правительство использовало буддизм в качестве средства распространения влияния на соседние народы Японии и Кореи посредством расширения миссионерской деятельности монахов, преподнесением канонических книг и других буддийских материальных памятников [Там же, с. 120].

Следующая династия – Сун (960-1279) – применяла буддизм во взаимоотношениях с тангутским государством Си Ся, в котором он уже пользовался большой популярностью среди населения. Сангха Поднебесной дарил тангутам-буддистам канонические тексты, занималась проповеднической деятельностью [6, с. 286]. В эпоху Мин (1368-1644) Китай присоединил к своей территории тибетское государство. Поскольку население Тибета к тому времени уже стало преимущественно буддийским, буддизм активно применялся правительством в качестве инструмента расширения своего влияния на него. С этой целью правительство Китая учредило управление по делам буддийской церкви [16, с. 31]. Китай также стал укреплять контакты с Монголией – империя обеспечивала активное участие тибетских и монгольских лам в политической общественной жизни монгольского народа [7, с. 49; 14; 15]. В этот период китайские монахи зачастую являлись проводниками китайской политики, эмиссарами буддийской дипломатии.

К использованию потенциала буддизма как внешнеполитического ресурса прибегала и республиканская власть гоминьдановского периода. Главным представителем буддизма Китая в международном общении являлся монах Тай Сюй, известный как основатель гуманистского направления буддизма и один из лидеров обновленческого движения XX века [9]. В 1925 году Тай Сюй представлял сангху Китая на открытии Буддийского Пленума стран Восточной Азии в Токио. В 1928 году президентом Чан Кайши были выделены средства на его путешествие в страны Европы и Японию [24, р. 61]. В период антияпонской войны (1937-1945) Тай Сюй стал одним из лидеров борьбы монашеского населения с японской оккупацией, осуществлял налаживание связей с буддийскими общинами азиатских государств в поиске поддержки с их стороны в войне. В 1939 году Национальное Правительство Китая организовало «международные дружеские визиты» в страны Южно-Азиатского региона. Делегация отправилась в Мьянму, Индию, Цейлон и другие государства с призывом о помощи в антияпонской войне [26, р. 589]. Очевидно, что финансирование такого рода визитов буддийских делегаций республиканским правительством говорит об их политической значимости, что и является примером использования буддийской дипломатии.

Вторая половина XX в. началась для Китая установлением власти коммунистического режима и созданием 1 октября 1949 года государства Китайской Народной Республики. С появлением нового государства последовали масштабные изменения во всех сферах жизни общества, стал формироваться курс политики партии и новая система управления государством [42]. На начальном этапе становления правовой системы КНР в религиозной политике атеистическая партия отталкивалась от идеи о «самостоятельном отмирании религии» [27, р. 357], основная траектория разработки религиозной политики правительства соответствовала стремлению партии к установлению контроля над религиозной сферой.

В сентябре 1949 года первое пленарное заседание Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК) в Пекине приняло Общую программу НПКСК, гарантировавшую свободу вероисповедания. Власть наделила религиозные круги правом участия в формировании религиозной политики Поднебесной посредством членства во Всекитайском комитете (ВК) НПКСК и Постоянном комитете Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) – данная мера была введена исключительно ради лояльного отношения религиозных групп и нацменьшинств к новой власти [34, с. 28].

В целом политика Коммунистической партии Китая (КПК) в отношении к религии была нацелена на процесс институционализации крупных конфессий и регламентации их деятельности. Партия обозначила круг разрешенных религий – буддизм, даосизм, католицизм, протестантизм и ислам, санкционировала создание восьми религиозных «патриотических организаций», подконтрольных КПК [23, р. 124]. В 1952 году в Пекине проводилась конференция по созданию Буддийской Ассоциации Китая (БАК), на которой присутствовала и партия в лице Ли Вэйхана, главы Отдела Единого фронта при ЦК КПК [8, с. 148; 31, с. 561]. 30 мая 1953 года в Пекине состоялась первая Всекитайская конференция БАК, в котором участие приняло более 120 представителей буддийских общин семи народностей Китая: ханьцев, тибетцев, монголов, дайцев, маньчжуров, уйгуров, мяо. Инициатива по установлению контроля центральных и провинциальных органов БАК над деятельностью сангхи, озвученная в 1957 году на второй Всекитайской конференции, была полностью

одобрена коммунистическим правительством, поскольку деятельность подконтрольной партии организации, безусловно, положительно отражалась на легитимизации власти КПК [46, с. 146]. Положение сангхи, ее общественная адаптация в значительной степени зависели от гибкости и способности руководства БАК приспосабливаться к политической обстановке. Члены БАК, стремясь оправдать свое явное сотрудничество с КПК, стали иначе трактовать буддийские термины и понятия, зачастую искажая их изначальный смысл [22, р. 44]. Реформаторски настроенные адепты занимались созданием философской, теоретической базы для преобразования деятельности сангхи в соответствии с социалистической парадигмой [12, с. 891].

Поскольку первоначально внешнеполитический курс новой власти Китая определялся двумя магистральными направлениями: стремлением власти к международному признанию и легитимизации; распространению коммунистической идеологии, осуществлению всемирной революции, – правительство стало применять буддийскую дипломатию для создания лояльного отношения общественности азиатских стран буддийского ареала – уже с 1950-х годов КНР использовала буддизм как ресурс «мягкой силы» [10]. Власти КНР стремились продемонстрировать жителям стран буддийского ареала и прочих государств мира, что при новой власти китайский буддизм переживает период развития и процветания [27, р. 33].

Одним из ранних примеров использования буддийской дипломатии в рамках традиционной дипломатии Китая является посещение премьер-министром Китая Чжоу Эньлаем храма в Дели в 1954 году в сопровождении главы индийского государства Дж. Неру [4, с. 163].

Кроме участия китайской сангхи в общении буддистов на глобальном уровне, наблюдалось ее стремление к поддержанию контактов с буддийскими общинами в регионе Северо-Восточной Азии, а именно – с Японией и Кореей. Поскольку Япония и Корея исторически входили в орбиту влияния Поднебесной, длительный период даже являлись частью территорий империи, между государствами сложилась грандиозная историческая, культурная и духовная общность. Благодаря культурному влиянию на соседние страны традиционные китайские учения, в том числе адаптированный буддизм, имели практически такое же значение в Корее и Японии, как на родине [28].

Однако, несмотря на безусловную историческую, духовную, культурную общность, отношения между государствами в большей степени зависели от политических обстоятельств. Разумеется, длительный период антияпонской войны, в которой Китай понес грандиозные потери, чрезвычайно негативно сказался на отношении народов двух стран друг к другу. Практически полностью прервались гуманитарные, культурные, религиозные контакты. Между тем в 50-е годы XX века стало наблюдаться стремление буддийских общин Китая и Японии к восстановлению связи. В 1951 году подтверждением тому стало преподнесение в дар японской сангхе от лица БАК изображения будды Гуан-инь, особо почитаемой в Китае. Вскоре японские буддисты стали организовывать мероприятия по передаче праха погибших на войне китайских солдат [39, с. 16]. Подобного рода двусторонние инициативы буддистов двух государств ясно демонстрируют их обоюдное желание поддерживать и укреплять мирные, дружеские контакты вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры.

Изучая опыт применения Китаем буддийской дипломатии в отношениях с Республикой Корея, необходимо уделить должное внимание ситуации, существовавшей на международной арене с начала второй половины прошедшего века. Данный период ознаменовался для Корейского полуострова разделением территории на государство севера и юга с разными политическими режимами, произошедшим в ходе братоубийственной войны (1950-1953 гг.) с участием вооруженных сил заинтересованных государств, в том числе китайской армии. Правительство КНР поддерживало Северокорейскую сторону, борющуюся за установление коммунистического режима, что полностью соответствовало стремлению Китая к всемирной коммунистической революции.

Поскольку вся внешнеполитическая деятельность Китая основывалась на расширении коммунистического лагеря и поддержке молодых коммунистических государств, КПК осуществляла активизацию контактов именно с Северной Кореей, а не с капиталистическим государством южной части полуострова. Именно это обстоятельство объясняет расширение международных обменов Китая по буддийской линии с КНДР. Примером тому служат многочисленные двусторонние визиты представителей буддийской сангхи двух государств.

Между тем буддийская сангха Китая продолжала углублять контакты с единоверцами Японии. Сангха Китая активно поддерживала участие буддистской общины Японии в организации мероприятий, посвященных запрету ядерного оружия. В этот период сангха Китая в лице БАК неоднократно дарила буддистам Японии изображения Будды, канонические книги, пожертвовала средства на установление Пагоды мира в Хиросиме [29, р. 16].

В 1957 году китайская сторона принимала делегацию буддистов Японии впервые с начала коммунистического периода истории Поднебесной. Подтверждением обоюдному стремлению к дружеской связи буддистов Китая и Японии служит основание в 1967 году Китайско-японского общества искренней дружбы религиозных деятелей (Rì Zhōng yǒuhǎo zōngjiào zhě kěn huà huì) и Китайско-японской буддийской ассоциации дружбы (Rì Zhōng yǒuhǎo fójiào xiéhuì) в 1975 году [37]. В этот же период внимание КПК приковало обсуждение Японии и США вопроса о заключении договора о безопасности. Очевидный процесс сближения лидера противоборствующего капиталистического лагеря США с азиатским соседом, безусловно, насторожил Китай. Так как общественность Японии, в том числе и ее буддийское население, выступала против данного шага, КПК решила расширить свое влияние среди жителей Японии посредством поддержки буддийской общины Японии в данном вопросе. В 1961 году в Китае состоялась встреча делегации японских буддистов с главой правительства Чжоу Эньлаем [35, с. 21]. Встреча второго лица государства с представителями иностранной религиозной общины демонстрирует степень оценки использования буддизма в международных отношениях правительством КНР. В 1963 году Японию посетил Чжао Пучу [1, с. 400; 45], где встретился с членами Всеяпонского совета за запрещение атомного и водородного оружия [3, с. 26], тем самым сыграв роль эмиссара буддийской дипломатии БАК и КПК.

В 1963 году буддийская община Китая провела первый «Съезд одиннадцати буддийских национальных и региональных организаций Азии», участники которого выразили резко негативную оценку притеснениям властями Южного Вьетнама буддийского населения, выразили стремление большинства стран буддийского мира Азии к сохранению мира на земле. Премьер-министр КНР Чжоу Эньлай в своем выступлении заявил о недопустимости вмешательства западных держав во внутриазиатские дела, оценил сотрудничество японских и китайских буддистов как образец международной внутриконфессиональной дружбы и выступил за укрепление буддийских связей [33, с. 356]. В этом контексте необходимо также подчеркнуть, что в состоявшемся в 1963 году «Съезде одиннадцати буддийских национальных и региональных организаций Азии» в Пекине Корейский полуостров представляла буддийская община КНДР [41]. С началом периода «реформ и открытости» КНР постепенно отказывалась от идей всемирной революции, началась активизация международных связей Китая и по религиозным линиям. В 1978 году премьер-министр Дэн Сяопин в ходе обмена ратификационными грамотами договора о китайско-японском мире и дружбе в Японии продолжил практику посещения политическими лидерами страны буддийских святынь и храмов за рубежом, посетив буддийские храмы [36, с. 33]. Примером использования буддийской дипломатии в китайско-японских отношениях в рамках публичной дипломатии и культурных обменов можно назвать экспонирование в Китае изображения танского монаха Цзяньшень из Японии в 1980 году [41].

Несмотря на значительные перемены, происходившие во внешнеполитической стратегии КНР, и постепенный отказ правительства от идеи всемирной революции, на первоначальном этапе периода «реформ и открытости» 80-х годов XX в. Китай все еще выражал активную поддержку северокорейскому государству, отражавшуюся в попытках сангхи укрепить связь с буддийской общиной КНДР. Свидетельством тому вполне может служить визит китайской делегации во главе с лидером буддийской общины Китая Чжао Пучу в Северную Корею в сентябре 1986 года [Там же].

В декабре 1983 года Чжао Пучу в докладе «30 лет БАК» выделил ряд принципов деятельности БАК: продолжать традицию совмещения религиозной и трудовой деятельности; осуществление образовательной деятельности; установление дружественных международных связей с целью способствования сохранению мира на земле [40, с. 30; 41]. Очевидно, что сангха была настроена на безоговорочное сотрудничество с КПК, на выражение абсолютной поддержки существующему коммунистическому режиму. Вполне вероятно, что именно это обстоятельство играло решающую роль в дальнейшем существовании и развитии буддизма в КНР, так как обеспечивало лояльное отношение правительства к сангхе. Кроме того, в новый период буддийские лидеры пришли к выводу о необходимости усиления акцента на роли буддизма как культурного феномена, а не религиозного, поскольку значение буддизма как элемента традиционной культуры Поднебесной оправдывает его существование в атеистическом Китае [21, р. 48]. Этот подход был сформулирован Чжао Пучу в статье 1986 года [43, с. 19], освещавшей историческую роль буддизма. Таким образом, буддизм совершил переход из религиозного измерения в культурно-историческое.

К середине 90-х годов XX в. заметный прогресс наметился во взаимоотношениях китайских буддистов с буддистами Дальнего Востока [44, с. 4]. В 1992 году китайская делегация во главе с Чжао Пучу совершила визит в Японию, в ходе которого состоялась встреча Чжао с премьер-министром Японии Киити Миядзава. Также Чжао Пучу был удостоен Большой орденой лентой Ордена тайного сокровища Японии [3, с. 28]. Встреча буддийского лидера Китая с главой Японии – событие особой важности в истории буддийской дипломатии КНР, отразившее стремление КНР и Японии к выстраиванию дружеских отношений на основе религиозной, исторической, духовной общности.

В этот же период буддийская сангха КНР начала устанавливать контакты с буддистами Южной Кореи еще прежде, чем между государствами были установлены официальные дипломатические отношения, проявив намерение Китая создавать дружеские контакты с соседними государствами вне зависимости от идеологического фактора. В августе 1990 года Китай по приглашению БАК посетила буддийская делегация из Республики Корея. Спустя два года, в 1992 году, Южная Корея и Китай установили дипломатические отношения, что, безусловно, благоприятно повлияло на активизацию контактов по буддийской линии. Подтверждением двустороннему стремлению государств к установлению дружеских контактов является встреча Чжао Пучу с президентом Республики Корея в ходе визита представителей сангхи Китая в Южную Корею [41].

В 1993 году в японском городе Киото прошли торжественные мероприятия, посвященные 40-летию Буддийской Ассоциации Китая, на которой, помимо буддистов Японии, присутствовала китайская делегация в лице главы БАК Чжао Пучу и других ее членов, а также делегация буддистов из Республики Корея. Факт того, что японская сангха организовала праздничные мероприятия по случаю годовщины создания БАК, свидетельствует о стремлении буддистов Японии к активизации двусторонних контактов.

После этого Чжао выступил с инициативой регулярного проведения совместного обсуждения дальнейшего развития связей по буддийской линии, назвал буддизм «золотой нитью» в отношениях трех государств [35, с. 19]. В 1995 году буддистами Китая и Японии был организован семинар «Перспективы дружеских обменов между буддистами Китая и Японии в XXI веке» [44, с. 4]. В своем выступлении на семинаре Чжао Пучу выразил надежду сангхи Китая на поддержание и углубление двусторонних дружеских контактов.

В 1996 году состоялась первая конференция по дружеским обменам между буддистами Китая, Японии и Южной Кореи, участники которой приняли декларацию «Миссия буддизма Китая, Кореи и Японии в XXI веке» [5, с. 66]. В последующем она проводилась в разных городах КНР, Республики Корея и Японии (Нинбо, Сеул, Токио, Пусан и т.д. [32]). Последняя конференция состоялась в 2016 году в китайском городе Чжэцзян [41]. Проведение такого рода международного мероприятия на постоянной основе свидетельствует о твердом

стремлении трех сторон не только к сохранению буддийского наследия, но и к поддержанию и укреплению дружеских контактов по буддийской линии.

На сегодняшний день буддийская дипломатия в отношениях Китая с Японией и Южной Кореей осуществляется путем религиозных, культурных обменов. Благодаря международной деятельности Буддийской Ассоциации Китая регулярно организовываются визиты делегаций буддистов разных стран, в том числе северо-восточных соседей. Кроме того, один из недавних примеров осуществления буддийской дипломатии Пекина в отношениях с Республикой Корея – посещение председателем Си в апреле 2014 года места захоронения монаха Ким Ге-гака, считающегося перерождением одного из наиболее почитаемых в Китае буддийских боддхисаттв [38].

Япония и Южная Корея традиционно входили в зону культурного влияния Поднебесной, однако в XXI веке на культурное влияние в регионе стала претендовать и Индия. Действующий премьер-министр Индии стал применять буддийскую дипломатию в ходе визитов в регион, в своих выступлениях он не преминул при случае подчеркнуть важность буддистских контактов с Южной Кореей, Японией и Китаем [20]. Наглядным примером взаимодействия буддистов Индии и Японии является состоявшаяся в 2015 году конференция «Глобальная индуистско-буддийская инициатива по предотвращению конфликтов и охране окружающей среды» в Нью-Дели. Мероприятие, организованное международным фондом Вивекананда, близким индийским правительству, в партнерстве с Токийским фондом и Международной Буддийской Конфедерацией, посетили некоторые азиатские политические и религиозные лидеры, в том числе Нарендра Моди [25]. Религиозное наследие буддизма, объединяющее Индию с этими странами, помогает ей быть «своей» в данных регионах. Упрочение связей с такими странами, как Япония и Южная Корея, позволило вовлечь их в работу по реконструкции и строительству буддистских религиозных объектов в Индии.

На сегодняшний день феномен буддийской дипломатии все еще отличается относительно малой степенью изученности. Между тем буддийская дипломатия как элемент международных отношений обретает все большее значение в силу роста влияния на них религиозного фактора. Наиболее эффективным инструментом внешнеполитического влияния буддийская дипломатия становится в руках крупнейших держав азиатского региона – Китая и Индии.

Буддийская дипломатия – далеко не новый феномен во внешнеполитической стратегии Поднебесной. Буддизм всегда являлся эффективным инструментом международного общения во внешней политике Китая не только благодаря его активному и масштабному распространению среди азиатских государств, но и в силу его теоретического содержания – философия буддизма заключает в себе идею мирного сосуществования, что на практике отражается в отсутствии антагонистической борьбы между различными направлениями и школами.

Начиная со второй половины XX в., власть в Китае стала активно использовать буддийский феномен во взаимоотношениях с азиатскими государствами. Буддийская дипломатия КНР в различные периоды развития международных отношений стран АТР полностью соответствовала существующей конъюнктуре, впадая сначала в курс партии на всемирную социалистическую революцию, позднее на установление дружеских контактов с вновь созданными государствами и оживление связей с существовавшими странами. С начала текущего столетия внешнеполитическая концепция Поднебесной переживает очередные перемены – приоритеты осуществляемой внешнеполитической стратегии Китая строятся на распространении своей «мягкой силы». В этой связи необходимо подчеркнуть, насколько органично буддизм вписывается в стратегию «мягкой силы» Китая в качестве элемента традиционной культуры, элемента культурно-исторического наследия.

Однако несправедливым было бы утверждать, что успех буддийской дипломатии Поднебесной обеспечивается лишь усилиями партии в ее применении. Наравне с указанным фактором на развитие буддийской дипломатии влияет отношение буддийской сангхи к внешнеполитической деятельности, к сотрудничеству с государственной властью. Уже в первоначальный период коммунистической эпохи буддисты Китая стали выражать свое стремление к сотрудничеству с партией, свое лояльное отношение к ней. Сангха чрезвычайно одобрительно отнеслась к инициативе правительства по созданию всекитайской буддийской организации, существование которой, безусловно, способствовало консолидации буддийской общины КНР и активизации не только ее религиозной, но и политической деятельности. С тех пор буддийская сангха Китая подчеркивает, что одним из приоритетов ее деятельности является поддержание дружеских контактов с единоверцами из других стран, что на практике проявляется в активном участии буддистов в международном общении. В осуществлении буддийской дипломатии и использовании буддизма как фактора «мягкой силы» важнейшую роль, помимо правительства Китая, играла и по сей день играет Буддийская Ассоциация Китая, являющаяся непосредственным проводником буддийской дипломатии и «неофициальным отделением МИД» [4, с. 163].

Поскольку Япония и Южная Корея как крупнейшие акторы международных отношений региона Северо-Восточной Азии исторически входили в орбиту сильнейшего влияния китайской культуры, буддизм вполне может играть роль надежной основы для расширения влияния Китая по буддийской линии. В данных обстоятельствах очевидно проявляется стремление Поднебесной к наращиванию роли буддийской дипломатии в рамках «мягкой силы» в отношениях с Японией и Кореей.

Список источников

1. Горбунова С. А. Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в. // Общество и государство в Китае: материалы XLIII всероссийской науч. конф. (г. Москва, 25-27 марта 2013 г.) / под общ. ред. проф. А. И. Кобзева. М., 2013. Т. XLIII. Ч. 1. С. 399-405.
2. Китинов Б. У. Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // Азия и Африка сегодня. М., 2015. № 7. С. 53-57.

3. Кузнецов В. С. Буддизм «с коммунистическим лицом» // Азия и Африка сегодня. М., 2006. № 4. С. 25-29.
4. Кузнецов В. С. Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2006. 379 с.
5. Кузнецов В. С. Миссия буддистов Китая, Кореи и Японии в XXI в. // Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация: IV Всероссийская конф. М., 1998. С. 66-67.
6. Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, 1968. 359 с.
7. Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 287 с.
8. Нагуслева Е. А. Буддизм в Китае в 50-70-е гг. XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ, 2016. № 3 (23). С. 144-150.
9. Нагуслева Е. А. Тай Сюй и его гуманистский буддизм // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2015. № 6А. С. 33-37.
10. Рамачандрян С. Буддизм как средство налаживания международных связей: опыт Китая и Индии [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-o/?sphrase_id=1833766 (дата обращения: 11.12.2017).
11. Сухейль Фарах. Духовная секуляризация и религия: опыт христианства и ислама / отв. ред. В. В. Наумкин; пер. с араб. В. Волосатов. М., 2008. 182 с.
12. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Восточная литература, 2011. 1045 с.
13. Яковлев А. И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации // Восточная аналитика. М., 2015. Вып. 3. С. 7-19.
14. Янгутов Л. Е. Буддизм в политической стратегии «мягкой силы» России, Китая и Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ, 2015. № 4 (20). С. 91-95.
15. Янгутов Л. Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. М., 2016. № 4. С. 159-167.
16. Янгутов Л. Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 1998. 160 с.
17. Янгутов Л. Е., Халтаева О. Р. Религиозные верования в политической культуре императорского Китая. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. 156 с.
18. Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. L. Berger. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. P. 1-18.
19. Buddhist Legacy Secures Beijing's Backing for Indian Institution's Rebirth [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scmp.com/article/604127/buddhist-legacy-secures-beijings-backing-indian-institutions-rebirth> (дата обращения: 11.12.2017).
20. India's Soft Power: An Interview with Professor Daya Kishan Thussu [Электронный ресурс]. URL: <http://thedi diplomat.com/2016/06/interview-indias-soft-power/> (дата обращения: 11.12.2017).
21. Ji Zhe. Buddhism in the Reform Era: A Secularized Revival? // Religion in Contemporary China: Revitalization and Innovation / ed. by Adam Yuet Chau. N. Y. – L.: Routledge, 2011. P. 32-52.
22. Ji Zhe. Zhao Puchu and His Renjian Buddhism // The Eastern Buddhist. 2013. Vol. 44. № 2. P. 44-57.
23. Lambert T. The Present Religious Policy of the Chinese Communist Party // Religion, State & Society. 2001. Vol. 29. № 2. P. 121-129.
24. Long Darui. Humanistic Buddhism: From Venerable Tai Xu to Grand Master Hsing Yun // Hsi Lai Journal of Humanistic Buddhism. Rosemead, 2000. Vol. 1. P. 56-70.
25. Raja Mohan C. Raja-Mandala: Faith and Diplomacy. In Being Unafraid of Bringing Religion into Foreign Policy, Modi Treads New Ground in India. But There Are Dangers [Электронный ресурс]. URL: <http://indianexpress.com/article/opinion/columns/faith-and-diplomacy/> (дата обращения: 11.12.2017).
26. Traditional Buddhism and China's Modernity. Shanghai: Huazhong Shifan Daxue Chubanshe, 1998. 657 p.
27. Welch H. Buddhism under Mao. Harvard: Harvard University Press, 1972. 690 p.
28. Yang Zengwen. The Contribution of Buddhist Scholars toward the Friendship of China and Japan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iop.or.jp/Documents/1020/zengwen.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
29. Zhang Juyan. Buddhist Diplomacy: History and Status Quo. Los Angeles: Figueroa Press, 2012. 65 p.
30. 习近平在家乡欢迎莫迪来访 (Си Цзиньпин принимает Моди на Родине) [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1139301/2015-5-18/cd_20745128.html (дата обращения: 11.12.2017).
31. 关于民族工作宗教问题 // 统战和少数民族问题 (О религиозном вопросе в работе с национальными меньшинствами // Вопросы единого фронта и национальных меньшинств. Пекин, 1981. С. 520-581).
32. 参加第十九次中韩日佛教友好交流会议 (19-я конференция по дружеским обменам между буддистами Китая, Японии и Южной Кореи) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinabuddhism.com.cn/special/zhrhy19/#zhjl> (дата обращения: 11.12.2017).
33. 周恩来. 外交文选 (Избранные работы Чжоу Эньляя в области дипломатии. Пекин, 1990. 623 с.).
34. 张执. 正确认识和贯彻党的宗教信仰自由政策 // 中国民族. 1962. № 4 (Чжан Чжи. Правильное понимание и применение политики партии о свободе вероисповедания // Китайская нация. 1962. № 4. С. 25-41).
35. 张琳. 从“金锁链”到“黄金纽带”——五六十年代中日佛教交流纪实 // 法音. 1996. № 9 (Чжан Линь. От «золотой цепи» к «золотой нити» – китайско-японские буддийские обмены 50-60-х гг. // Фаинь (Голос дхармы). 1996. № 9. С. 16-24).
36. 张琳. 邓小平促成鉴真大师像回国探亲小记 // 法音. 1997. № 4 (Чжан Линь. Дэн Сяопин ускоряет процесс возвращения портрета Учи-теля Цзянь Чжэна // Фаинь (Голос дхармы). 1997. № 4. С. 32-36).
37. 日中友好宗教者恳话会成立40周年庆典在东京举行 (Празднование 40-летия Китайско-японского общества искренней дружбы религиозных деятелей в Токио) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-embassy.or.jp/chn/whjl/t324981.htm> (дата обращения: 11.12.2017).
38. 明贤. 习主席开启“佛教文化外交” 佛教应做更大贡献: 谈习主席一年内四次赞颂三大高僧 (Мин Сянь. Председатель Си начинает «буддийскую культурную дипломатию», буддизм должен вносить еще больший вклад) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xuefo.net/nr/article23/226350> (дата обращения: 11.12.2017).

39. 涂怡超. 宗教与当前中国公共外交: 理念、机制与效应. 涂怡超 // 阿拉伯世界研究. 2015. № 6 (Ту Ичао. Религия и современная китайская обще-ственная дипломатия: философия, механизм и эффект // Алабо шицзе яньцзю (Исследование арабского мира). Шанхай, 2015. № 6. С. 13-23).
40. 禅林. 茗山法师深情追忆赵朴老 // 法音. 2000. № 7 (Чань Линь. Преподобный Миншань вспоминает Чжао Пучу // Фаинь (Голос дхармы). 2000. № 7. С. 25-31).
41. 茗山. 变革, 厄难, 复兴: 中国佛教三十年 (Миншань. Преобразования, трудности, возрождение: тридцатилетие китайского буддизма // Избранные труды Миншаня. Нанкин, 1983. С. 178-182).
42. 茗山. 变革, 厄难, 复兴: 中国佛教三十年//茗山文选. 南京, 1983 (Миншань. Преобразования, трудности, возрождение: тридцатилетие ки-тайского буддизма // Избранные труды Миншаня. Нанкин, 1983. С. 178-182).
43. 赵朴初. 要研究佛教对中国文化的影响 // 法音. 1986. № 2 (Чжао Пучу. Необходимо изучить влияние буддизма на культуру Китая // Фаинь (Голос дхармы). 1986. № 2. С. 17-24).
44. 赵朴初. 在“二十一世纪中日佛教友好交流展望”座谈会上的讲话 // 法音. 1995. № 11 (Чжао Пучу. Речь на форуме «Перспективы дружеских буддийских обменов Китая и Японии» // Фаинь (Голос дхармы). 1995. № 11. С. 4-5).
45. 邓子美. 赵朴初人间佛教思想追论 (Дэн Цзимэй. Оценка идей гуманистского буддизма Чжао Пучу) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fjnet.com/fjlw/200904/t20090417_117360.htm (дата обращения: 11.12.2017).

BUDDHIST DIPLOMACY IN RELATIONS OF CHINA, JAPAN AND THE REPUBLIC OF KOREA

Naguslaeva Elizaveta Al'bertovna
Lomonosov Moscow State University
nageliz@icloud.com

The article is devoted to the study of the practice of applying Buddhist diplomacy by the example of the largest Asian state of the People's Republic of China in relations with its eastern neighbors, the economic giants of the region Japan and the Republic of Korea. The paper also reveals the factors that influenced the development of Buddhist diplomacy in China, the formation of its features in the communist period of the history of the Celestial Empire.

Key words and phrases: Buddhist diplomacy; Buddhist Association of China (BAC); Buddhism; Sangha; China; Japan; Korea.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена анализу трансформаций экономических и культурных тенденций после мая 1968 года в связи с постмодернизмом как описательной матрицей данных изменений. Движение левых интеллектуалов '68 на уровне политики и постмодернистские категории на уровне философии – это «действие» и «рефлексия», которые слажено сработали в качестве толчка для усовершенствования капитализма и параллельного понятийного осмысления этого процесса. Постмодернизм представляет собой философское описание посткапитализма.

Ключевые слова и фразы: посткапитализм; постмодернизм; «Май'1968»; Л. Болтански; Э. Кьяпелло; Л. Тевено; Ф. Джеймисон; французский интеллектуал; новый дух капитализма.

Наумова Екатерина Игоревна, д. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
naumova11@inbox.ru

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ОПИСАТЕЛЬНАЯ МАТРИЦА ПОСТКАПИТАЛИЗМА

Известный философ, теоретик марксизма Фредрик Джеймисон не так давно публично высказался о том, что проблема современных интеллектуалов заключается в том, что они страдают провинциализмом: «...они не очень хорошо понимают, что происходит в других странах. Французские интеллектуалы, к примеру, озабочены Францией, их не особенно волнует то, что происходит в Германии или Ирландии. Американцы ничего не знают о том, что находится за пределами их страны. Провинциализм все еще довольно силен во всех уголках планеты, и левые сейчас еще более провинциальны, чем правые» [4]. Действительно, парадоксом современной ситуации оказывается то, что в условиях мультикультурализма (а точнее его краха) интернациональный и солидарный характер носят действия представителей финансовых и банковских структур, тогда как интеллектуалы заняты аналитикой локальных ситуаций, будучи активно задействованы в борьбе против национальных реакционных движений, утерев единство и способность к коллективному действию. Так задор шестидесятилетнего интернационала сменился драйвом интернационала финансового и, что самое интересное, в развитии и экспансии последнего сегодня даже больше свободы, интереса, энергии, чем в памятных для многих событиях «Мая'68». Дело в том, что современные левые интеллектуалы, следуя фуколядианской традиции, продолжают фокусироваться на вопросах власти, тогда как следовало бы работать в направлении осмысления гегемонии нового глобального класса и действий МВФ. Постмодернистская критика метанарративов,